

УДК 327(73;510)“1993/2000”

Политика США в отношении Китая в 1993–2000 гг.

Косов А.П.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машиерова», Витебск*

В статье рассматривается эволюция внешней политики США в отношении Китая в годы президентства Б. Клинтона. Анализируются основные факторы и причины относительной успешности китайского вектора внешней политики Соединенных Штатов Америки в 1993–2000 гг. Особое внимание обращается на основные движущие силы внешнеполитического курса Вашингтона, особенно на внутривнутриполитическую борьбу в американском истеблишменте по «китайской проблеме». В первую очередь освещаются подходы американской администрации и конгресса к Китаю. В статье характеризуются политическая и военно-политическая составляющие стратегического курса Вашингтона в отношении КНР, рассматривается торгово-экономическое и гуманитарное взаимодействие, а также кризисы и проблемы между двумя государствами. Подчеркивается, что внешняя политика Соединенных Штатов в 1990-е гг. довольно эффективно сочетала в себе элементы вовлечения Китая в мировые дела и одновременно его сдерживания в военной сфере. Делается вывод об относительной успешности внешней политики США на китайском направлении в рассматриваемый период.

Ключевые слова: США, Китай, Тайвань, Клинтон, конгресс, внешняя политика, американо-китайские отношения, кризис, торгово-экономическое сотрудничество, демократия, права человека.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 46–57)

The U.S. Policy towards China in 1993–2000

Kosov A.P.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article considers evolution of the foreign policy of the USA towards China under Clinton's presidency. Major factors and reasons of relative success of the Chinese vector in the US international policy in 1993–2000 are analyzed. Special attention is focused on basic motive forces of Washington foreign policy, especially, on internal political fight in the American establishment concerning Chinese issue. First of all approaches of the American administration and the Congress to China are presented. Political and military-political components of the strategic course of Washington concerning the People's Republic of China are characterized in the article, trade and economic as well as humanitarian interaction, crises and problems between the two states are considered. It is emphasized that the foreign policy of the United States in the 1990s quite effectively combined elements of involvement of China in world affairs and at the same time its control in the military sphere. Conclusion is made about relative success of the USA foreign policy on the Chinese direction during the considered period.

Key words: the USA, China, Taiwan, Clinton, Congress, foreign policy, U.S. – Chinese relations, crisis, trade and economic cooperation, democracy, human rights.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 46–57)

Сегодня проблема американо-китайских отношений привлекает самое пристальное внимание во всем мире. И это не удивительно, поскольку по целому ряду показателей США и КНР являются ведущими державами планеты и, по распространенному мнению, потенциальными соперниками за лидерство. Стремительное возвышение Китая и его превращение в одного из мировых лидеров началось в 1990-е гг. Поэтому представляется целесообразным проследить реакцию Соединенных Штатов Америки –

единственной сверхдержавы – на «китайский вызов» их положению глобального центра силы.

Проблема американо-китайских отношений в 1990-е гг. получила довольно полное освещение в мировой историографии. Конечно, в первую очередь к ней обратились американские и китайские исследователи. Среди наиболее известных американских авторов, развивших в своих работах развитие отношений между США и КНР, следует назвать

Адрес для корреспонденции: e-mail: alekos1979@mail.ru – А.П. Косов

Ф. Бергстена, Р. Бернштейна, Зб. Бжезинского, Г. Киссинджера, Н. Кристофа, П. Кругмана, Н. Ларди, К. Либерталя, Д. Лэмптона, Р. Манро, К. Менгеса, У. Оверхолта, Р. Паарлберга, Дж. Сигала, Р. Сьюттинджера, Р. Террилла, Л. Уорцела, Г. Фостера и др. В работах исследователей из США четко прослеживаются два основных подхода к оценкам китайского потенциала и возможной политике Соединенных Штатов в отношении Китая – жесткий и мягкий. В китайской историографии наиболее известными работами по данной проблематике являются труды Ван Цзинбо, Зонгуан Зи, Кво Вупина, Ш. Чена, Лю Цайци. В российской историографии американо-китайским отношениям посвящены исследования О.А. Арина, А.Д. Богатурова, А.Д. Воскресенского, А.С. Давыдова, Ю.М. Галеновича, Б.Н. Занегина, В.В. Михеева, М.Г. Носова, А.И. Уткина и др. К сожалению, в белорусской историографии работы по данной проблематике отсутствуют. Поэтому представляется весьма актуальным восполнить этот пробел.

Цель данной статьи – рассмотреть эволюцию китайской политики США в период президентства Б. Клинтона. Для этого необходимо проанализировать взгляды и подходы политико-академического сообщества Соединенных Штатов, проследить внутривнутриполитическую борьбу в Америке по вопросу отношений с Пекином, охарактеризовать ключевые аспекты внешней политики Вашингтона в отношении Китая, обратить внимание на основные события в американо-китайских отношениях.

Материал и методы. Предлагаемая статья основывается на материалах, почерпнутых из исследований российских, китайских и американских авторов. Было изучено большое количество информации, содержащееся в проанализированных источниках, а также исследованы различные авторские концепции и подходы к рассматриваемой проблеме, представленные в мировой историографии. Для написания статьи использовались как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический), а также нарративный метод и метод системного анализа, которые позволили раскрыть сущность политики США в отношении Китая в рассматриваемый период.

Результаты и их обсуждение. Приход в Белый дом новой администрации часто существенным образом влияет на расстановку внешнеполитических приоритетов Соединенных Штатов в мире, однако, как правило, не выходит за определенные долгосрочными стратегическими интересами государства общие рамки. В полной мере это касалось и китайской политики Вашингтона в 1990-е гг. Победа на президентских выборах в США Б. Клинтона стала неприятным известием для пекинского руководства, надеявшегося на переизбрание на второй срок Дж. Буша, политика которого во многом устраивала Китай. Известно, что еще во время президентской кампании 1992 г. кандидат от демократов критиковал политику республиканской администрации за безоговорочное продление КНР режима наибольшего благоприятствования (РНБ) в торговле, особенно после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. Неоднократно в своих выступлениях он заявлял, что китайское руководство должно добиться существенного прогресса на пути демократизации страны, чтобы получить благосклонное расположение Америки. Со своей стороны, по его мнению, Соединенные Штаты должны сделать все возможное, чтобы стимулировать данный процесс [2, р. 32]. Озвученную позицию прокомментировал один из членов клинтоновской команды и будущий госсекретарь США У. Кристофер, который отметил, что Соединенные Штаты будут стремиться демократизировать Китай мирными средствами – путем поощрения политической и экономической либерализации этой страны [4, р. 161]. Поэтому после своего прихода в Белый дом в 1993 г. администрация Клинтона попыталась придерживаться в своей политике в отношении Китая намеченной линии. Свидетельством этому стали слова советника президента по национальной безопасности Э. Лейка о том, что США готовы отказывать Китаю в РНБ до тех пор, пока пекинское руководство не либерализует свои внутренние институты [9, с. 495]. Об этом же говорил во время своей поездки в Пекин в мае 1993 г. и помощник госсекретаря по делам Азиатско-Тихоокеанского региона У. Лорд [4, р. 165]. В сентябре 1993 г. Э. Лейк выдвинул предложение причислять КНР к числу реакционных государств до тех пор, пока она не выполнит американские требования [9, с. 497]. Безусловно, это значительно ухудшило атмосферу американо-китайских отношений. Тем

не менее, несмотря на жесткий подход новой администрации к Китаю, уже весной 1993 г. ей и конгрессу 103-го созыва, в обеих палатах которого демократы тогда обладали большинством мест, удалось выработать единую позицию по КНР. В итоге 28 мая 1993 г. Б. Клинтон все же подписал указ о продлении Китаю РНБ на один год, правда, с условием, что после этого он будет или продлен, или отменен в зависимости от поведения Пекина [9, с. 497]. Очевидно, что американская администрация была вынуждена учитывать возрастающую роль КНР в мире, а также интересы как американского бизнеса, так и американских избирателей. Дело в том, что в случае лишения Китая РНБ Пекин неизбежно ввел бы ответные санкции в отношении американских товаров. Например, если бы КНР в начале 1990-х гг. прекратила закупать в США зерновые, потери американских фермеров составили бы около 1 млрд долл. [13, с. 91]. Ведь Китай являлся шестым по величине рынком экспорта американской сельскохозяйственной продукции. Поэтому одной из активно действовавших структур, играющих важную роль в лоббировании решения о продлении Вашингтоном РНБ, стала Американская федерация фермерских бюро (АФФБ), основанная еще в 1919 г.

Таким образом, уже в первый год пребывания Б. Клинтона в Белом доме выяснилось, что конфронтационный подход к Китаю по сути безрезультативен. Поэтому на прошедшем в ноябре 1993 г. неформальном саммите АТЭС в Сизгле, в ходе которого президент США Б. Клинтон и председатель КНР Цзян Цзэминь провели свою первую встречу, наметилось некоторое изменение китайской политики Вашингтона. Именно там американский лидер выразил намерение Соединенных Штатов улучшить отношения с Китаем. Во время встречи Б. Клинтон подтвердил, что США будут и впредь основываться на трех коммуникаторах как на краеугольном камне американской политики «одного Китая» [9, с. 503]. Конечно, кардинально отказаться от озвученной год назад твердой линии в отношении КНР команда Клинтона в столь сжатые сроки не могла и не хотела, поскольку все еще исходила из своих идеалистических установок во внешней политике. Очередным подтверждением стал визит в Пекин госсекретаря У. Кристофера с целью решения вопроса о РНБ в марте 1994 г. Данный визит объяснялся истечением в июне этого года его срока

действия для КНР. Американский госсекретарь дал понять китайской стороне, что если она желает сохранить привилегии по сниженным торговым тарифам в дальнейшем, то должна достичь значительного прогресса в области соблюдения прав человека. Однако пекинское руководство восприняло позицию США в штыки [1, р. 237–238].

Натолкнувшись на твердую неуступчивость Пекина в вопросе о демократизации и правах человека американская администрация сделала вывод, что имеющиеся у сторон разногласия и расхождения по ряду вопросов уступают их потенциальным возможностям. Свою роль здесь сыграло прокитайское лобби в политическом истеблишменте США. Лоббистские группы оказывали существенное влияние на ежегодные дебаты в конгрессе по поводу отношения к Китаю. Существенно активизировало свою работу созданное Г. Киссинджером «Американо-китайское общество», куда вошли бывшие госсекретари А. Хейг, С. Вэнс, У. Роджерс, советники президента по национальной безопасности Зб. Бжезинский, Р. Макфарлейн, Б. Скаукрофт. Расширили деятельность такие направленные на сближение с КНР организации, как Национальный комитет американо-китайских отношений в Нью-Йорке [12, с. 84]. Нельзя не отметить и тот факт, что за необходимость нормализации отношений с Пекином стал выступать и пентагон, который в качестве основного вызова для безопасности США в регионе стал рассматривать прежде всего угрозу появления ОМУ в КНДР. Кроме того, в руководстве министерства обороны появились такие влиятельные сторонники сближения с КНР, как первый заместитель министра обороны, а затем с февраля 1994 г. министр обороны У. Перри и заместитель министра по вопросам международной безопасности Ч. Фримэн, который еще в ноябре 1993 г. посетил Китай и провел переговоры о сотрудничестве в области обороны [13, с. 92]. В итоге 26 мая 1994 г. Б. Клинтон объявил, что эффекта от прежней политики Вашингтона больше нет, и РНБ для КНР будет продлен еще на один год без каких-либо условий [9, с. 499]. Тем самым администрация давала понять, что идеологическая составляющая во внешней политике Соединенных Штатов отделяется от реальной политики. Этим шагом президент США попытался укрепить позиции на китайском направлении. Администрация Клинтона и ее сторонники в политическом истеблишменте пришли к выводу, что американские угрозы и

санкции против Китая не изменят его политическую систему. А вот курс на вовлечение КНР в мировое сообщество наоборот будет содействовать трансформации социально-политической системы Китая в направлении, нужном для Соединенных Штатов и мирового сообщества в целом [11, с. 93]. С точки зрения министра обороны У. Перри, политика сдерживания или изоляции КНР, которую предлагали некоторые представители политико-академического сообщества США, скорее нанесет урон национальной безопасности Америки, ускорит модернизацию НОАК, приведет к закрытию обширного китайского рынка для американских товаров и осложнит действия Соединенных Штатов в СБ ООН. По его словам, политика вовлечения должна была повлиять на поведение Китая в районах, где затрагивались национальные интересы США, например, на Корейском полуострове. В орбиту этой политики должна попасть и китайская армия, что позволит Вашингтону влиять на Пекин по таким сложным вопросам, как тайваньская проблема, проблема территорий в Южно-Китайском море и проблема распространения ОМУ [7]. Таким образом, политика вовлечения Китая укрепит стабильность в АТР, а заодно принесет значительные прибыли американским корпорациям. При этом, согласно Г. Киссинджеру, Б. Клинтон считал, что китайцы «обязаны» администрации Соединенных Штатов, поскольку своими действиями он защитил китайскую политику от конгресса, намеревавшегося, в силу действовавшего там сильного антикитайского лобби, окончательно отказать Пекину в предоставлении РНБ [9, с. 500]. Новая политика администрации вызвала поддержку многих представителей политических и деловых кругов Америки, поскольку, по их мнению, она могла способствовать снижению «китайского вызова» путем более тесного вовлечения Китая в мировые дела. Так, в это время процесс укрепления деловых связей с КНР стал частью стратегии крупных американских корпораций, таких, как «АйБиЭм», «Моторола», «Боинг», «Элайед Сайнел», «Американ интернешнл групп», «Юнайтед эйрлайнс», «Катерпиллер», «Артур Андерсон», «Дийр энд компания» и др. [12, с. 84]. Постепенно торгово-экономические отношения с Китаем приобретали для Соединенных Штатов фактор стратегического значения. Деловые круги США надеялись увеличить свою прибыль на китайском рынке, поскольку уже в 1994 г. американский дефицит в торговле с КНР составил

29,5 млрд долл., а через два года – приблизился к 40 млрд долл. В 1996 г. торговый баланс США составил: импорт из КНР – 45,5 млрд долл., а экспорт – 11,7 млрд долл. Таким образом, импорт из Китая уже в это время «отнимал» у США 700 тысяч рабочих мест [12, с. 73–74].

После состоявшихся 8 ноября 1994 г. промежуточных выборов в конгресс США 104-го созыва администрация Клинтона, проводя свою политику на китайском направлении, была вынуждена учитывать позицию Республиканской партии, одержавшей победу. Тем не менее, во время саммита АТЭС в индонезийском Богоре в ноябре 1994 г. Б. Клинтон одобрил пять принципов американо-китайских отношений, предложенных Цзян Цзэминем. Их суть заключалась в следующем:

- оба государства должны в полной мере принимать в расчет ситуацию в мире и учитывать долгосрочные интересы сторон в XXI в.;

- каждая держава должна уважать выбор другой и учитывать в двусторонних отношениях наличие различных социальных систем и идеологий, а также решать все проблемы между США и Китаем путем поиска компромиссов;

- развивать двусторонние торгово-экономические отношения на равной и взаимовыгодной основе;

- активизировать процесс двусторонних консультаций, касающихся мировой политики, включая решение проблем нераспространения ОМУ, защиты окружающей среды, туризма и усиления борьбы с наркоторговлей;

- активизировать двусторонний обмен мнениями, особенно на высшем уровне [7].

Правда, несмотря на публичное согласие Б. Клинтона с позицией руководства КНР, судя по заявлениям госсекретаря У. Кристофера, сами американцы видели развитие двусторонних отношений исходя из своих трех принципов:

- развитие Китая как открытого и безопасного государства;

- полная интеграция и активное участие КНР в международном сообществе;

- развитие диалога и устранение разногласий с Пекином, но без нанесения ущерба национальным интересам Америки [7].

Таким образом, Вашингтон не собирался ради соблюдения принципа равноправия с Пекином сдавать свои позиции в АТР. Подтверждением этому стало и выступление советника президента по национальной безо-

пасности Э. Лейка в 1996 г., в котором было подчеркнуто, что США обязательно должны сохранить за собой роль главной тихоокеанской державы и поэтому не потерпят соперничества ни с чьей стороны, в том числе и Китая. Тем не менее, несмотря на имеющиеся расхождения и противоречия, взаимоотношения США и Китая продолжали развиваться по нарастающей, свидетельством чему стали очередные встречи на высшем и высоком уровнях. Так, в октябре 1995 г. во время официальной встречи Б. Клинтона и Цзян Цзэминя в Нью-Йорке в рамках 50-летнего юбилея ООН американский президент вновь обратил внимание на необходимость налаживания с КНР «конструктивных контактов», подтвердив политику одного Китая. В результате данная встреча оказалась весьма важной в процессе выведения американо-китайских отношений на новый уровень развития.

Изменения в китайской политике администрации Клинтона вызвали острую критику со стороны части республиканцев и некоторых демократов, которые высказывались за политику сдерживания КНР, поскольку полагали, что Китай нес угрозу безопасности не только в регионе, но и в мире в целом. Эти оценки основывались на обвинениях Пекина в наращивании военной мощи, способствовании распространению ОМУ, технологий двойного назначения, отсутствии государственного экспортного контроля за ними, военном и промышленном шпионаже на территории Америки. Данные вопросы весьма волновали консервативную часть американских конгрессменов и сенаторов, а также консервативных представителей интеллектуального сообщества США и военных. Так, на протяжении 1990-х гг. отдельные американские законодатели требовали аккредитации посла при правительстве находящегося в изгнании Далай-ламы и признать независимость Тибета [12, с. 81–82]. Вообще среди антикитайского лобби популярными стали попытки оказания давления на КНР в связи с требованием свободы для Тибета. ЦРУ даже направило поддержку тибетскому сопротивлению.

Несмотря на отход еще первой администрации Клинтона от жесткой заидеологизированной позиции в отношении КНР в мае 1995 г. между США и Китаем разразился очередной кризис, связанный с тайваньским вопросом, который оставался самым острым в двусторонних отношениях. Конфликт произошел из-за выдачи американской визы тайваньско-

му президенту Ли Дэньхуэю в качестве частного лица посетить Корнуэльский университет в США, где он когда-то учился, вопреки решительным возражениям Пекина. Хотя, еще в апреле 1995 г. госсекретарь У. Кристофер заверял своего китайского коллегу, что согласие на визит тайваньского лидера несовместимо с политикой США на китайском направлении. Однако активизация протайваньского лобби в конгрессе в лице сенаторов Дж. Хелмса, Ф. Мурковски, А. Дамато, Р. Доула и др., а также лидера республиканцев в палате представителей Н. Гингрича поставила администрацию в трудное положение. Она была вынуждена дать согласие на визит Ли Дэньхуэя, что и привело к кризису. Законодатели из протайваньского лобби стали на защиту Тайваня вплоть до разрыва дипломатических отношений с КНР. Так, Н. Гингрич полагал, что Соединенные Штаты должны установить дипломатические отношения с Тайбэем «чтобы там ни случилось». И хотя через несколько дней он сбавил тон, но высказался таким образом: «Сейчас я не думаю, что мы должны признавать Тайвань. Но я думаю, что нам следует сказать КНР, что она должна каждое утро быть нам благодарной за то, что мы не признаем Тайвань, и вы должны воздавать нам почести за наше тонкое понимание вашей культуры» [7]. В знак протеста Пекин отозвал своего посла из Вашингтона и задержал выдачу агремана на кандидатуру нового американского посла в КНР Дж. Сассера [12, с. 504]. В итоге Соединенные Штаты были вынуждены отступить.

Однако в марте 1996 г. между двумя государствами произошел новый серьезный кризис. Подразделения НОАК (около 150 тыс. человек) провели военную демонстрацию в непосредственной близости острова, устроив учебные пуски боевых ракет в зоне Тайваньского пролива. Считается, что цель акции заключалась в оказании давления на тайваньских избирателей дабы помешать сторонникам независимости Тайваня добиться успеха на выборах. Действия Пекина были с тревогой восприняты в США. В американском конгрессе вновь усилились антикитайские заявления. Вашингтон решил послать две авианосные группы в Тайваньский пролив. По мнению Зб. Бжезинского, Пекин был встревожен возможностью того, что Тайбэй при поддержке Вашингтона может провозгласить свою независимость. Возможно, по этой причине КНР сознательно подвергла

испытанию решимость Америки, желая получить от американского правительства подтверждение обязательства, данного в свое время Р. Никсоном, а затем Дж. Картером, о проведении политики «одного Китая». В свою очередь президент Б. Клинтон, направив американские корабли в Тайваньский пролив, дал понять, что в случае возникновения боевых действий Соединенные Штаты не останутся в стороне. В то же время Вашингтон подтвердил свою позицию о том, что воссоединение Китая и Тайваня является вопросом времени, который будет решен мирным путем самими китайцами [8, с. 107].

В итоге до острой фазы кризиса дело так и не дошло. Пекин по дипломатическим каналам передал Вашингтону просьбу не вводить боевые корабли непосредственно в Тайваньский пролив. Администрация Клинтона официально ответила, что не может принять на себя обязательств, способных ограничить ее действия в поддержку Тайбэя. Но американские корабли так и не были введены в пролив, оставшись в непосредственной близости от него.

Хотя кризис и удалось урегулировать, Вашингтон пришел к выводу, что тактика давления на КНР оказались безрезультатной. По признанию бывшего посла США в Пекине Дж. Лилли в связи с событиями вокруг Тайваня, «мы плохо сработали. Политика по правам человека ... также провалилась» [7]. США были вынуждены изменить тактику поведения в отношении к КНР. Госсекретарь У. Кристофер отправился с визитом в Шанхай, где выступил в Фуданьском университете, объявив в своей речи о «новой эре» в американо-китайских отношениях, а также употребил слово «партнерство». В таком же духе прозвучало и заявление представителя госдепартамента Н. Бёрнса о том, что «Мы не можем позволить, чтобы (проблемы) Тайваня и прав человека доминировали в нашей политике» [7]. Данная тенденция нашла свое подтверждение и на форуме АТЭС в Маниле в ноябре 1996 г. в ходе встречи Б. Клинтона и Цзян Цзэминя, когда произошло урегулирование отношений между государствами. Председатель КНР подтвердил готовность Пекина активизировать свое участие в четырехсторонних переговорах по корейской проблеме. Президент США в свою очередь пообещал поддержать вступление Китая в ВТО [7]. После этой встречи в разное время были созданы американо-китайские смешанные комиссии по экономике, торговле, науке и технике, которые своим практичным и конструктив-

ным подходом способствовали развитию торгово-экономического сотрудничества, а также взаимопониманию между двумя странами, тем самым, придав новый динамизм двусторонним отношениям в целом.

Активизировалось сотрудничество Америки и Китая и в сфере обороны. Так, в октябре 1996 г. американцами были сняты введенные в 1989 г. ограничения на контакты между военными университетами США и КНР. А в декабре 1996 г. в ходе визита в Вашингтон китайского министра обороны Чи Хаотяня было принято решение о дальнейшем расширении сотрудничества военных ведомств двух стран [13, с. 93–94].

В то же время в соответствии с законом «Об отношениях с Тайванем» США соблюдали взятые на себя обязательства по обеспечению безопасности Тайваня, но характер и масштаб этих обязательств никогда не имел четкого определения. Это дало возможность Вашингтону использовать в тайваньском вопросе так называемую «стратегическую неопределенность»: чтобы ни Пекин, ни Тайбэй не представляли себе уровень и характер американской реакции на обострение ситуации в Тайваньском проливе. Тем не менее, в своей политике в тайваньском вопросе администрация Клинтона постоянно находилась между необходимостью предотвращения возможных попыток Китая решить данную проблему военной силой, с одной стороны, и поползновений Тайбэя обозначить собственную независимость – с другой. При этом администрация постоянно находилась под давлением конгресса, требовавшего усилить американские военные обязательства в отношении Тайваня [10, с. 8].

В 1996 г. в США прошли очередные президентские выборы. В ходе предвыборной кампании кандидат от Республиканской партии Р. Доул критиковал китайскую политику демократов. Он обвинял администрацию Клинтона в непоследовательности действий в отношении КНР и сдаче позиций Вашингтоном в АТР. По его мнению, Соединенные Штаты не должны бояться использовать силу, в том числе и военную. Однако, как известно, республиканцы потерпели поражение.

Одержав победу на президентских выборах 1996 г., Б. Клинтон продолжил политику по сближению с КНР. Принято считать, что нормализация американо-китайских отношений произошла в результате обмена визитами глав государств.

26 октября – 3 ноября 1997 г. состоялся государственный визит председателя КНР

Цзян Цзэминя в США. Это была первая официальная поездка главы КНР в США за последние 12 лет взаимоотношений, в ходе которой была опубликована совместная китайско-американская декларация, определяющая цели, принципы и магистральное направление развития американско-китайских отношений в XXI в. Стороны заявили о желании строить отношения «конструктивного стратегического партнерства» на основе принципов трех совместных коммюнике.

С 25 июня по 3 июля 1998 г. проходил визит Б. Клинтона в КНР. Обе стороны уточнили направления и рамки развития межгосударственных отношений в следующем столетии. Выступая 30 июня 1998 г. в Шанхае, президент США впервые открыто огласил то, что было названо в Китае политикой «трех нет»: «нет» – независимости Тайваня; «нет» – политике «двух Китаев» (или политике «один Китай, один Тайвань»); «нет» – принятию Тайваня в международные организации, членство в которых открыто только для суверенных государств [10, с. 8].

Обмен визитами на высшем уровне активизировал двустороннее сотрудничество во всех сферах и на всех уровнях. Так, с декабря 1997 г. в рамках ежегодных консультаций по проблемам обороны начал осуществляться американско-китайский стратегический диалог на высоком уровне [10, с. 5]. 17–20 января 1998 г. состоялся визит в Пекин министра обороны США У. Коэна, в ходе которого стороны подписали Соглашение о создании механизма активизации консультаций по вопросам морской военной безопасности между министерствами обороны Китая и США. В июне 1998 г. США и КНР подписали Соглашение о взаимном ненацеливании ракет [10, с. 5]. В сентябре 1998 г. министры обороны США и КНР провели консультации о проведении в жизнь достигнутого главами государств взаимопонимания в области военного сотрудничества, наметив целый ряд мероприятий в этом направлении. В этом же году была создана «горячая линия» между Вашингтоном и Пекином [10, с. 5]. Считается, что в сотрудничестве в военной сфере американская сторона увидела новые возможности сделать военную политику КНР более прозрачной и предсказуемой, а также получить возможность держать руку на пульсе китайских военных разработок. Кроме того, американские корпорации в рамках военного сотрудничества рассчитывали обеспечить себе свободный доступ на рынок вооружений КНР. Важное место в политике

США в отношении Китая занимала и проблема нераспространения ОМУ, которая стала одним из основных приоритетов политики вовлечения КНР. По словам второго помощника госсекретаря Р. Эйнхорна, с одной стороны, это было важно для обеспечения безопасности Соединенных Штатов, а с другой – Китай как ядерная держава и постоянный член СБ ООН мог сыграть важную роль в международных усилиях по ограничению распространения ОМУ [5].

Наиболее динамично между США и Китаем развивалось торгово-экономическое сотрудничество. За период с 1993 по 1999 г. объем двусторонней торговли между США и КНР вырос с 40,3 до 90 млрд долл. [10, с. 5]. Уже в середине 1990-х гг. объем американского экспорта в Китай перевалил за 10 млрд долл. В 1998 г. объем американского экспорта в КНР составил порядка 14,3 млрд долл., увеличившись почти на 1,5 млрд по сравнению с предыдущим годом. Китай занимал 12-е место среди экспортных рынков Соединенных Штатов, а с учетом реэкспорта американских товаров из Гонконга Китай – шестой по величине экспортный рынок. В 1990-е гг. китайский рынок для Америки был наиболее быстро растущим, увеличиваясь ежегодно в среднем на 15% [10, с. 19]. К концу десятилетия США смогли достичь довольно впечатляющих успехов в торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем, несмотря на азиатский финансовый кризис 1997 г. и сохранение Пекином многочисленных тарифных и иных барьеров, которые планировалось устранить после вступления КНР в ВТО.

Однако по мере возрастания желания администрации Клинтона предоставить Китаю РНБ на постоянной основе и поддержать его прием в ВТО в политическом истеблишменте США активизировалось немало противников таких планов. Так, в сенате противников возглавил председатель комитета по иностранным делам Дж. Хелмс, который призвал не путать интересы американских бизнес-кругов с национальными интересами США. По его мнению, торговое соглашение с КНР противоречило национальным интересам страны, поскольку Китай не собирался отказываться от угроз Тайваню и улучшать ситуацию с соблюдением прав человека [11, с. 92]. Лидер большинства в сенате Т. Лотт еще до приезда китайской делегации заявил, что он будет против вступления Китая в ВТО [10, с. 20]. Против договоренностей были и некоторые члены кабинета Клинтона, в частности руководитель президентского аппарата Дж. По-

деста и министр финансов Р. Рубин. Их противодействие соглашению мотивировалось, прежде всего, тем, что на фоне конфликта в Косово и с учетом антизападной позиции Китая в этом вопросе дискуссия по проблеме развития отношений с КНР не будет способствовать росту популярности президента и Демократической партии [10, с. 20]. С точки зрения противников сближения с Китаем, экономическое заигрывание Америки с КНР не сможет его изменить. Как считал Дж. Хелмс, он по-прежнему остается «тираническим агрессором, занятым военным строительством и демонстрирующем свои враждебные намерения», несмотря на американские уступки ему [11, с. 92]. Среди других основных аргументов критиков соглашения с Китаем называлось несоблюдение Пекином обещания расширить американский доступ на свой рынок. Согласно президенту АФТ-КПП Дж. Суини, КНР не выполнила ни одного из обещаний, данных Соединенным Штатам с 1992 г.: об открытии рынка; о защите прав на интеллектуальную собственность; о прекращении использования труда заключенных; по текстильной торговле и т.д. [11, с. 92]. Все это очевидным образом указывало на то, что слишком многим в политическом истеблишменте США было не по душе, что Китай развивается слишком быстро и его становится все труднее контролировать. Можно согласиться с мнением китайского исследователя о том, что одним из важнейших факторов китайской политики Соединенных Штатов являлось отношение американской элиты и общественности к процессу модернизации и усиления КНР. Другими словами, ускорение китайской модернизации не всем виделось благоприятным для национальных интересов Америки [6, p. 119].

Во второй половине 1990-х гг., хотя и не в такой идеологизированной форме, как раньше, на повестке дня американо-китайских отношений продолжала находиться проблема прав человека. Более того, она являлась весомым камнем преткновения в американо-китайских отношениях. Подтверждением этому стало и американо-китайское заявление от 29 октября 1997 г., в котором говорилось о том, что между сторонами существует единственное крупное разногласие – это вопрос о правах человека. Правда, вскоре сторонам удалось добиться в этом направлении некоторого прогресса. Так, в 1998 г. Соединенные Штаты впервые не предложили антикитайскую резолюцию в Комиссии по правам

человека ООН в Женеве. Правда, в 1999 г. они вновь инициировали резолюцию, обвинявшую КНР в нарушении прав человека, но не слишком настаивали на ее принятии, считая, что в стране идут определенные позитивные изменения в этой сфере. Такие действия в отношении Китая стали объектом нападок на политику администрации Клинтона со стороны республиканцев и части консервативно настроенных демократов в конгрессе [10, с. 16–17]. Так, в 1997 г. конгресс выступил с девятью законодательными инициативами, требовавшими принятия против КНР мер в связи с экспортом товаров, произведенных заключенными, проведением насильственных абортов, религиозной нетерпимостью и т.д. Но ни одна из этих инициатив так и не стала законом [10, с. 17].

Для понимания проблемы прав человека важными являются несколько моментов. Во-первых, проблема прав человека и их соблюдения в ряде стран, в том числе и КНР, была популярной в американском общественном мнении и часто использовалась в демагогических целях, в том числе в конгрессе. К реальным целям и задачам Соединенных Штатов эта общественная «дискуссия» практически не имела никакого отношения, хотя порой и осложняла их отношения с другими странами. Таким образом, внутривнутриполитическая борьба в Вашингтоне между демократической администрацией и республиканским конгрессом, действия лоббистских групп оказывали существенное воздействие на атмосферу американо-китайских отношений.

Следует отметить наиболее неблагоприятные факторы, тормозящие двустороннее сотрудничество США и Китая на рубеже веков. Во-первых, это провал переговоров о вступлении Китая в ВТО в ходе визита премьер-министра КНР Чжу Жунцзи в апреле 1999 г. Он привез в Вашингтон длинный список мер по либерализации экономики Китая, что давало ему основание надеяться на американскую поддержку по вопросу о вступлении в ВТО. Пекин был готов выполнить американские требования по снижению тарифов на промышленные товары с 24,6 до 9,44% к 2005 г. и обеспечить значительное открытие телекоммуникационного и страхового рынков страны. Однако американцы ответили отказом, что было связано не с экономической стороной вопроса, а с внутривнутриполитической борьбой в США. Дело в том, что Б. Клинтон посчитал уступки, на которые был готов пойти Пекин, недостаточными для прохождения документа через конгресс, в котором резко усили-

лись антикитайские настроения в связи с негативным отношением Китая к действиям НАТО против Югославии. Кроме того, президент знал о негативном настрое АФТ-КПП в вопросе о приеме КНР в ВТО и стремился не раздражать профсоюзы, рассчитывая на поддержку ими кандидатуры вице-президента А. Гора на президентских выборах 2000 г. В итоге китайский премьер-министр вернулся из США лишь с весьма неопределенным обещанием Вашингтона продолжить переговоры о вступлении Китая в ВТО [10, с. 20].

Во-вторых, скандал вокруг кражи Китаем американских военных секретов. В мае 1999 г. сенатской комиссией Шелби был опубликован «Доклад по воздействию на национальную безопасность США экспорта в Китай передовых спутниковых технологий» и «Доклад об усилиях КНР по воздействию на политику США». В том же месяце комиссия Кокса обнародовала в палате представителей «Доклад об угрозах со стороны Китая военной и коммерческой безопасности США». Все доклады, обвинявшие Китай в нанесении ущерба американской безопасности, косвенно были направлены против политики администрации Клинтона. Фактически в документах Китай был представлен набирающим все большую силу соперником США, а не участником «конструктивного стратегического партнерства» [10, с. 7].

В-третьих, критика Пекином действий Вашингтона в отношении Ирака и НАТО в отношении Югославии из-за Косово. На официальном уровне из Пекина звучали довольно жесткие заявления и энергичные требования прекратить военные действия. Апогеем стала случайная бомбардировка авиацией НАТО посольства КНР в Белграде 8 мая 1999 г., в результате чего погибли трое китайских журналистов, множество людей получили ранения. Здание посольства было серьезно повреждено. Незамедлительно последовал взрыв стихийного антиамериканизма, который проявился в массовых, весьма эмоциональных выступлениях китайской молодежи. Китайское правительство в связи с этим заявило свой решительный протест и потребовало, чтобы НАТО и США понесли всю ответственность за случившееся. В ответ на это президент США Б. Клинтон принес открытые извинения, а позже американская сторона компенсировала Китаю материальный ущерб. После майских событий 1999 г. Пекин отменил визит своего министра обороны в Ва-

шингтон, прервал переговоры по нераспространению ОМУ и контролю за обычными вооружениями, а также по правозащитной проблематике.

В-четвертых, обострение двусторонних отношений из-за планов Вашингтона разместить в Восточной Азии элементы НПРО. Дело в том, что в конце 1990-х гг. в США была развернута активная кампания по раздуванию ракетной угрозы со стороны Китая. В представлении американских консерваторов для КНР ракеты – это единственный вид вооружений, развитию которых соответствует военно-промышленный потенциал страны и, по их мнению, развертывание элементов НПРО – это наиболее рациональный способ сдерживания Китая [10, с. 13]. Кроме того, американские планы развертывания ПРО ТВД в Азии вели к созданию в Тайваньском проливе дополнительной напряженности [10, с. 11]. Понятно, что на официальном уровне в Вашингтоне прямо не говорилось о том, что НПРО призвана защитить Соединенные Штаты и их союзников от российских и китайских ракет. Однако, очевидно, что для защиты от потенциальной ракетной атаки со стороны Северной Кореи или Ирана необходимости в создании столь мощной системы не было. В свою очередь негативная реакция Китая на планы США по развертыванию элементов НПРО оппонентами демократов была использована для нападок на политику Б. Клинтона в отношении КНР [10, с. 14].

В-пятых, новый всплеск противоречий в Тайваньском проливе, когда в июле 1999 г. президент Тайваня Ли Дэньхуэй в преддверии очередных президентских выборов заявил о необходимости рассматривать китайско-тайваньские отношения как «особые отношения между государствами». Накануне президентских выборов на Тайване в апреле 2000 г. США и КНР обменялись острыми предупреждениями, зафиксировав неизменность своих позиций относительно возможности силовых действий в отношении острова. Кроме того, 1 февраля 2000 г. палатой представителей подавляющим большинством голосов (341 – «за», 70 – «против») был принят проект закона «Об усилении безопасности Тайваня», что создало очередной повод для обострения ситуации в отношениях между США и Китаем [10, с. 9].

В-шестых, обострение американо-китайских отношений вызвала межпартийная борьба в рамках президентской кампании в США. Именно политику в отношении КНР республиканцы выбрали одной из главных мишеней для

критики демократической администрации Клинтона. Стереотипы восприятия КНР политической элитой США наложили свой отпечаток на формирование внешнеполитической платформы претендентов в кандидаты на пост президента в избирательной кампании 2000 г. Кандидат от Демократической партии А. Гор, являвшийся вице-президентом в администрации Клинтона, в целом выступал за продолжение развития диалога с Пекином. А вот республиканец Дж. Буш – мл., делал ставку на силовой вариант в отношениях с Китаем и призывал к борьбе за «американские ценности» [10, с. 16]. Так, в ноябре 1999 г. он заявил о том, что КНР необходимо рассматривать как соперника, а не стратегического партнера Америки. С резкой критикой Дж. Буш – мл. обрушился на китайские власти и по вопросу о правах человека и их соблюдению, заявив, что в этом плане необходим более жесткий подход, нежели тот, который проводила в жизнь администрация Клинтона. Республиканцы, как и демократы, понимали важность Китая для Америки, однако не были намерены ставить его в центр своей азиатской политики. По их мнению, американская политика в Восточной Азии должна была опираться, прежде всего, на Японию и Южную Корею. Кроме того, необходимо открыто поддерживать Тайвань, хотя и следовать концепции «одного Китая» [3].

В результате, согласно данным опроса, проведенного службой Гэллага, в конце 1990-х гг. лишь 21% американцев считали Китай «дружественной страной, хотя и не союзником» [11, с. 80]. При этом в апреле 1999 г. 39% американцев назвали Китай главной военной угрозой Соединенным Штатам. В первую очередь, такое восприятие Поднебесной объяснялось работой американских СМИ, которые зачастую раздували до огромных масштабов имевшиеся у Вашингтона и Пекина противоречия и формировали негативный образ этой страны в глазах американской общественности. Поэтому неудивительно, что в 1990-е гг. Китай для многих американцев по-прежнему представлялся коммунистическим государством, которым руководят те, кто в 1989 г. расстрелял студенческую демонстрацию на площади Тяньаньмэнь. К этому необходимо добавить и фактор традиционного мессианства американского общества, который играет немалую роль в формировании антикитайских настроений [10, с. 15].

Несмотря на имевшиеся у администрации Клинтона претензии к Китаю она попыталась несколько смягчить чрезмерную остроту, которая сложилась вокруг американо-китайских отношений. 15 ноября 1999 г. она согласилась поддержать прием КНР в ВТО и начала подготовительную работу по проведению своего решения через конгресс, что оказало позитивное воздействие на двусторонние отношения. В Белом доме придерживались мнения о том, что заключение торгового соглашения с Китаем и содействие его вступлению в ВТО отвечают национальным интересам США, поскольку это неизбежно приведет к еще большему открытию китайской экономики и, тем самым, более энергичному проведению глубоких рыночных реформ и демократизации КНР. В Вашингтоне считали, что, став членом ВТО, Китай не только сделает решающий шаг в сторону интеграции в мировую систему хозяйства, но и подчинится правилам интеграции, принятым в этой организации [11, с. 89].

Администрацией и стоящими за ней заинтересованными кругами не сбрасывалась со счетов и чисто экономическая составляющая американо-китайских отношений. К началу нового тысячелетия Соединенные Штаты превратились в крупнейший экспортный рынок Китая и во второго по величине (после Японии) его торгового партнера. В свою очередь, Китай стал для Америки четвертым торговым партнером (после Канады, Мексики и Японии соответственно). К тому же США к концу 1990-х гг. заняли третье место по объему инвестиций в китайскую экономику после Гонконга и Тайваня. Например, решение администрации поддержали крупные американские компании и ТНК, заинтересованные в расширении масштабов своих операций на китайском рынке, в частности президенты компаний «Боинг» Ф. Кондит и «Майкрософт» Б. Гейтс [10, с. 21]. Поэтому неудивительно, что большинство обвинений в адрес Пекина было парировано сторонниками сближения с Китаем аргументами выгоды такого сотрудничества для Америки. Кроме того, значительную роль успешного заключения американо-китайского соглашения сыграло одобрение американской поддержки вступления КНР в ВТО Далай-ламой [11, с. 93].

В этом плане важное значение имела встреча Б. Клинтона с Цзян Цзэмином в октябре 1999 г. в новозеландском Окленде. Не-

задолго до этого Пекин одобрил кандидатуру бывшего командующего тихоокеанскими силами США адмирала Дж. Пруера на пост американского посла в КНР. Кроме того, впервые после бомбардировки китайского посольства в Белграде кораблю ВМС США был разрешен заход в Гонконг [10, с. 10]. Затем в феврале 2000 г. Китай посетил первый заместитель госсекретаря С. Тэлботт, в ходе которого пекинское руководство дало свое согласие на визит помощника президента по национальной безопасности С. Бергера. Данные визиты означали снятие Пекином ограничений на контакты с представителями США на высоком политическом уровне и по военной линии, принятых в мае 1999 г. после американской бомбардировки китайского посольства в Белграде. Таким образом, в 2000 г. китайско-американские отношения были восстановлены в полном объеме и получили дальнейшее развитие. В этом же году на саммите тысячелетия ООН и неформальном саммите АТЭС состоялись очередные встречи Б. Клинтона и Цзян Цзэминя.

Анализируя процесс подписания двустороннего соглашения об условиях присоединения КНР к ВТО и закона о предоставлении Китаю РНБ на постоянной основе можно отметить следующее. Дело в том, что хотя конгресс США регулярно соглашался с президентом Б. Клинтон по вопросу продления этого режима, обычно в палате представителей вносилась резолюция об отмене РНБ для Китая в торговле с Соединенными Штатами. В 1999 г. эта резолюция прошла в нижней палате конгресса с соотношением 260 против 170 голосов в пользу продления РНБ.

Заинтересованные в сотрудничестве с Китаем бизнес-круги Америки вложили миллионные средства в лоббирование законопроекта о РНБ в конгрессе, который был окончательно утвержден в сентябре 2000 г. В итоге 10 октября 2000 г. президент Б. Клинтон подписал закон о предоставлении КНР РНБ на постоянной основе, а не на один год. В свою очередь КНР приняла на себя определенные обязательства по открытию своей экономики для действий американского бизнеса [11, с. 89]. В этом процессе серьезное давление на администрацию Клинтона оказали министерства финансов и торговли США, посчитавшие, что политические ограничения в отношениях с Пекином в конечном итоге приведут к невосполнимой потере американских позиций на обширном китайском рынке [10, с. 21]. Сторонники сближения с Китаем сравнили подписание соглашений с Пекином по своей важности с прибытием в Кан-

тон за 216 лет до этого события первого американского корабля «Императрица Китая» с 28 тоннами женьшеня, собранного на склонах гор Аппалачи. Один из руководителей Торговой палаты США Б. Джостен отметил, что голосование в конгрессе по вопросу утверждения соглашения было самым важным голосованием по внешнеэкономическим вопросам за предшествующие 25 лет и останется таковым в последующие четверть века. По мнению сенатора М. Бокуса, в результате заключения торгового договора американо-китайское взаимодействие в течение ближайших 20–30 лет будет иметь «самое прямое воздействие на качество жизни в Америке» [11, с. 92]. На это событие как кульминацию усилий, предпринимавшихся обеими политическими партиями в США на протяжении 30 лет в пользу нормализации всего комплекса отношений с Китаем, указал на церемонии по случаю подписания данного закона и президент Б. Клинтон. По его словам, вступление КНР в ВТО обеспечит американским товарам лучший доступ на китайский рынок во всех сферах от сельского хозяйства до телекоммуникаций и автомобилестроения, тогда как КНР не получит никаких новых возможностей доступа на американский рынок, по сути оставшись на прежних позициях. К тому же, как заявил президент США, вступая в ВТО Китай возьмет на себя обязательства играть по тем же правилам, что и Америка [10, с. 21]. Аргументируя достижение принципиальной договоренности о поддержке Соединенными Штатами вступления КНР в ВТО, помощник президента по национальной безопасности С. Бергер и экономический советник президента Д. Сперлинг подчеркивали, что это подтолкнет развитие Китая «в правильном направлении», подорвет в Пекине позиции сторонников сохранения жесткой политической системы, а также поспособствует развитию в стране экономической и политической свободы. Правда, оба признавали, что членство в ВТО не давало гарантий в том, что китайские лидеры сделают выбор в пользу политических реформ.

В целом китайская политика Клинтона, особенно его второй администрации, выглядела достаточно стабильной и эффективной. Она строилась на прагматической основе с минимумом идеологии.

Заключение. Таким образом, китайская политика США в годы президентства Б. Клинтона довольно эффективно сочетала в себе элементы вовлечения Китая в мировые дела и одновременно его сдерживания. За восемь лет его президентства Вашингтон на китайском направле-

нии проделал значительную эволюцию от идеалистических попыток оказать давление на Пекин с целью его демократизации к прагматическому сотрудничеству с КНР в американских интересах. Администрация Клинтона стремилась не допустить, чтобы усиление Китая нарушало важнейшие национальные интересы США, и одновременно избежать бесплодной конфронтации с Пекином. В процессе формирования китайской политики Соединенных Штатов отчетливо проявились различия подходов к отношениям с КНР президентской администрации и конгресса. С одной стороны, администрация Клинтона была вынуждена учитывать фактор возвышения Китая как потенциального конкурента с чуждыми США идеологией, системой ценностей и моделью развития в региональном, а в перспективе, и глобальном масштабе, с другой – набирающего вес партнера в политической, военной и торгово-экономической сферах. Конгресс, рассматривающий двусторонние отношения как набор отдельных проблемных вопросов вне контекста региональной и глобальной политики США и находящийся в зависимости от электората и под влиянием протайваньского лобби, демонстрировал антикитайскую направленность и постоянно оказывал определенное давление на исполнительную власть в вопросах китайской политики. Поэтому критика политического режима Китая американской общественностью и политической элитой США в 1990-е гг. носила скорее демагогический характер, поскольку для Соединенных Штатов были более выгодны нормальные отношения с Китаем, нежели, контакты, построенные на конфронтации. В целом же, китайская политика Клинтона, несмотря на имевшие место кризисы в двусторонних отношениях, была достаточно успешной для Вашингтона.

Литература

1. Christopher, W. Chances of a Lifetime / W. Christopher. – N.Y.: Scribner, 2001. – 320 p.
2. Lampton, D.M. Same Bed, Different Dreams: Managing U.S. – China Relations, 1989 – 2000 / D.M. Lampton. – Berkeley: University of California Press, 2001. – XIII+498 p.
3. Republican Party Platform of 2000. July 31, 2000 // The American Presidency Project [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=25849#axzz2j8u62sn5>. – Date of access: 27.10.2013.
4. Suettinger, R. Beyond Tiananmen: The Politics of U.S. – China Relations, 1989 – 2000 / R. Suettinger. – Washington, D.C.: The Brookings Institution, 2003. – 556 p.
5. Testimony of Robert J. Einhorn. Deputy Assistant Secretary of State for Nonproliferation. House Committee on International Relations. Hearing on U.S. – China Nuclear Cooperation Agreement. February 4, 1998 // Federation of American Scientists [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.fas.org/spp/starwars/congress/1998_h/h980205e.htm. – Date of access: 17.10.2013.
6. Zi, Zhongyun. U.S. – China Relations. Breaking a Vicious Circle / Zhongyun Zi // World Policy Journal. – 1999. – Vol. 16, № 3. – Fall. – P. 119–123.
7. Арин, О.А. Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность / О.А. Арин // Персональный сайт Олега Арина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusglobus.net/Arin/books/ATR/main.htm>. – Дата доступа: 17.02.2013.
8. Бжезинский, Зб. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / Зб. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 2010. – 192 с.
9. Киссинджер, Г. О Китае / Г. Киссинджер. – М.: Астрель, 2013. – 635 с.
10. Носов, М.Г. Политика США в отношении Китая / М.Г. Носов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2000. – № 7. – С. 3–25.
11. Парканский, А.Б. Экономические отношения США с Китаем в начале XXI века / А.Б. Парканский // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 6. – С. 80–94.
12. США на рубеже веков / отв. ред. С.М. Рогов. – М.: Наука, 2001. – 496 с.
13. Тимофеев, О.А. Америко-китайские отношения на современном этапе: события, процессы, тенденции / О.А. Тимофеев // Современный Китай в системе международных отношений / А.А. Киреев [и др.]; отв. ред. Д.В. Буяров. – М.: Либроком, 2013. – С. 82–127.

Поступила в редакцию 02.12.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.